

ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 112—148.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 2. P. 112—148.

Научная статья

УДК 316.35

EDN <https://elibrary.ru/qibdov>

DOI: 10.46725/IW.2025.2.6

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение,
методы исторического исследования

ТЕРМИН «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ / ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ» В РОССИЙСКОМ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Владимир Александрович Порозов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь Россия, va-porozov@mail.ru, SPIN-код: 8817-2509,
<https://orcid.org/0000-0002-9157-598X>

Аннотация. Вопрос о соотношении терминов «интеллигент» и «интеллектуал» в российском интеллигентоведении нельзя считать достаточно полно рассмотренным и однозначно решенным. Чаще всего интеллектуалами называют представителей национальной интеллигенции зарубежных стран, а интеллигентами — персонажей русского «мыслящего класса», даже оказавшихся за рубежом. Неоднократно предпринимались попытки объединить тех и других на основе общности социального положения и функций в едином восприятии как «интеллигенцию / интеллектуалов», тем более что в функционально-социологическом восприятии интеллигенции понятия «интеллигент» и «интеллектуал» в принципе совпадают. Указанные попытки имели

место и в деятельности ивановской интеллигентоведческой школы. Дважды, в 2015 г. и 2016 г., термин даже вносился в темы ежегодных ивановских («меметовских») конференций и, соответственно, в заглавия сборников их материалов. Однако идея большинством исследователей, входящих в данное научное сообщество или разделяющих его идеи и принципы, поддержана не была. В настоящей статье прослеживается история происхождения и использования терминов «интеллигент / интеллектуал», «интеллигенция / интеллектуалы» на протяжении относительно недолгого срока его существования в российском и, в частности, ивановском интеллигентоведении.

Ключевые слова: интеллектуал, интеллигенция, интеллигент, интеллигенция / интеллектуалы, интеллигенты / интеллектуалы, интеллигентоведение, ивановская интеллигентоведческая школа

Для цитирования: Порозов В. А. Термин «интеллигенция / интеллектуалы» в российском интеллигентоведческом контексте // Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 112—148.

Original article

THE TERM “INTELLIGENTSIA / INTELLECTUALS” IN THE CONTEXT OF RUSSIAN INTELLEGENTSIA STUDIES

Vladimir A. Porozov

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia,
va-porozov@mail.ru, SPIN: 8817-2509,
<https://orcid.org/0000-0002-9157-598X>

Abstract. The question of the correlation between the terms “intellectual” and “member of the intelligentsia” in Russian intelligentsia studies cannot be considered to be fully considered and unambiguously solved. Most often, representatives of the national intelligentsia of foreign countries are called intellectuals, and characters of the Russian “thinking class” are referred to as “intelligentsia”, even those who find themselves abroad. Attempts have been made several times to combine both on the basis of common social status and functions in a single perception as “intelligentsia / intellectuals”, especially since in the functional-sociological perception of the intelligentsia, the concepts of “intellectual” and “member of intelligentsia” basically coincide. These attempts also took place in the activities of the Ivanovo school of intelligentsia studies. Twice, in 2015 and 2016, the term was even included

in the topics of the annual Ivanovo (“Memetov”) conferences and, accordingly, in the titles of their collections of proceedings. However, the idea was not supported by the majority of researchers who belong to this scientific community or share its ideas and principles. This article traces the history of the origin and use of the terms “intellectual / member of intelligentsia” and “intelligentsia / intellectuals” over a relatively short period of its existence in Russian and, in particular, Ivanovo intelligentsia studies.

Keywords: intellectual, intelligentsia, member of intelligentsia, intelligentsia / intellectuals, intellectuals / member of intelligentsia, intelligentsia studies, Ivanovo school of intelligentsia studies

For citation: Porozov, V. A. (2025), ‘The term “intelligentsia/intellectuals”: in the context of Russian intelligentsia studies’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 112—148 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Задачу изучения интеллектуалов именно в интеллигентоведческом контексте основатель и руководитель ивановской интеллигентоведческой школы Валерий Сергеевич Меметов постоянно ставил и подчеркивал и даже относил проблему к «непопулярным» вопросам [Меметов, 2011: 5]. Однако определение и разработка понятия «интеллектуал» в контексте интеллигентоведения значительно отстает от таких базовых категорий, как «интеллигенция», «интеллигент» и «интеллигентность». Впрочем, разделение на интеллигентов и интеллектуалов в историческом контексте серьезный исследователь может привести лишь относительно последних полутора-двух веков социальной истории, и если российское интеллигентоведение давно свободно оперирует терминами «прединтеллигенция», «прединтеллигент», то термина «прединтеллектуал» нет по причине, как было показано ранее [Порозов, 2024: 133—134], избыточности его содержания: это или прединтеллигент, или интеллектуал на данном уровне развития общечеловеческого интеллекта. Нечасто встречаются и термины «интеллигенция / интеллектуалы», «интеллигент / интеллектуал» и т. п.

Между тем термин «интеллигенция / интеллектуалы» введен в международный гуманитарный контекст польским социологом Яном Щепаньским еще в шестидесятые годы прошлого века, был популяризирован тесно связанным с ивановской

интеллигентоведческой школой московским историком Андреем Квакиным в 1999—2014 гг. и активно поддержан в ивановских публикациях В. В. Возиловым. К термину внимательно отнесся В. С. Меметов, дважды, в 2015 г. и 2016 г., внося его в темы традиционных, проводимых в Ивановском государственном университете интеллигентоведческих конференций и, соответственно, в заглавия сборников их материалов.

Особую актуальность вопрос приобретает в условиях, когда слово «интеллигенция» толкуется произвольно или «ставится знак равенства между понятием “интеллигенция” и понятиями “интеллектуалы”, “образованный класс”, “элита”» [Меметов, 2013: 6], когда часть российской интеллигенции перерождается в интеллектуалов, что отмечают многие участники ивановского интеллигентоведческого процесса. «Казалось, — вспоминает О. В. Золотарёв совсем недавние времена, — что и в России интеллигенция уходит в прошлое, она заменяется иной фигурой — интеллектуалом, экспертом, профессионалом, что использует свой интеллектуальный потенциал, не связывая его с размышлениями об особой моральной миссии интеллигенции, существовании неоплатного долга интеллигенции перед народом и т. п.» [Золотарёв, 2012: 7]. Эта опасность была в свое время подмечена и В. С. Меметовым [Меметов, 2006: 5—6].

Так или иначе, но идея восприятия интеллигентов и интеллектуалов в едином понятии большинством исследователей, входящих в ивановское научное сообщество или разделяющих его подходы и принципы, поддержана не была. Тем не менее анализ сложившейся вокруг данного явления ситуации дает возможность подвести некоторые важные для базового понятийного аппарата итоги, а также внимательно отнестись к возможностям использования обсуждаемого термина не только в прошлом, но и при общении с широким кругом исследователей сегодня и в будущем. Потому предпринимаемая попытка проследить историю происхождения и использования терминов «интеллигенция / интеллектуалы», «интеллигент / интеллектуал» на протяжении относительно недолгого срока их существования в российском и, в частности, ивановском интеллигентоведении представляется интересной и актуальной.

Краткая историографическая справка. В необъятном массиве публикаций, посвященных отечественной интеллигенции и зарубежным интеллектуалам, выделены те из них, в которых вводятся и рассматриваются понятия «интеллигенция / интеллектуалы», «интеллигент / интеллектуал». Автором термина в российском интеллигентоведении считается, как сказано выше, польский социолог Ян Щепаньский, а его активным и плодотворным пропагандистом был московский историк А. В. Квакин. Наиболее значимыми в контексте данной статьи представляются публикации Д. Байрау, М. Л. Гаспарова, Н. А. Гредескула, Н. Н. Козловой, М. Н. Милюкова, Д. Н. Овсянико-Куликовского, на которые не раз обращали внимание в своих работах представители ивановской интеллигентоведческой школы. Речь, прежде всего, о ее основателе и бессменном лидере профессоре Валерии Сергеевиче Меметове, а также об авторах четырех «ивановских» коллективных монографий [Проблемы теории и методологии..., 2008; Интеллигенция: вопросы..., 2010; Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся..., 2014; Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные..., 2016], редактировавшихся, кроме В. С. Меметова, В. Л. Черноперовым и С. М. Усмановым. В числе исследователей-«ивановцев» (в широком смысле этого слова), внесших максимальный вклад в осмысление поставленных в данной статье проблем, хочется в первую очередь отметить М. В. Баканову, А. А. Белова, В. В. Возилова, О. В. Золотарёва, И. Е. Казанина, М. И. Кондрашёву, В. Г. Малую, В. Г. Ледяеву, Е. А. Пелевину, И. Л. Пересторонину, С. Г. Петрову, С. С. Садину, Д. А. Смирнова, А. А. Соловьеву, С. М. Усманова.

Постановка вопроса. За тридцать пять лет плодотворного существования ивановской интеллигентоведческой школы накоплен достаточный материал, анализ которого позволит, пусть не окончательно, но, по возможности, максимально всесторонне выяснить место понятия «интеллектуал» в соотношении с другими базовыми понятиями междисциплинарного взгляда на интеллигенцию как социальный феномен. В связи с этим вопрос о месте и роли термина «интеллигенция / интеллектуалы», («интеллигент / интеллектуал» и т. п.) в общем интеллигентоведческом контексте приобретает особый интерес.

Методология и методы исследования

Отвечая на поставленный вопрос, как и на все сопутствующие и последующие, будем руководствоваться общенаучными методами индукции и дедукции, с уважением относясь к значимым для ивановского интеллигентоведения методам структурно-функционального анализа, компаративного анализа и исторической герменевтики [Усманов, 2024: 127].

Основная часть

Концепция Я. Щепаньского — А. Квакина и ивановское интеллигентоведение

Открывая первый, «стартовый», номер журнала «Интеллигенция и мир» в 2001 г., В. С. Меметов в числе дискуссионных теоретико-методических проблем в первую очередь отмечал: «Далеко не оконченными являются … научные споры по поводу понятий “интеллигенция — интеллигент — интеллектуал”, “российская (русская) интеллигенция” и “интеллигенция” других стран мира». При этом ученый подчеркивал, что категорическое противопоставление понятий «интеллигент» и «интеллектуал» вызывает большие сомнения. «Здесь видится куда больше сближающих, нежели разъединяющих начал, — писал основоположник и глава ивановской интеллигентоведческой школы. — Чтобы сохранить миропорядок на земле, интеллигент XXI века, несомненно, должен будет обладать энциклопедическими знаниями интеллектуала плюс быть в высшей степени духовно-нравственным человеком. **Мы не имеем права вступать в третье тысячелетие разъединенными духовно и интеллектуально.** Поэтому нам необходимо объединить усилия как против мифологизации места и роли российской интеллигенции в обществе, так и в защиту ее несомненных достоинств. **Многовековой исторический опыт убедительно свидетельствует, что интеллектуалы и интеллигенция всегда выступали и выступают единым фронтом. В этом видится закономерность исторического процесса**» [Меметов, 2001: 3, 4] (здесь и далее выделения в тексте принадлежат цитируемым авторам).

Совпадение понятий «интеллигент» и «интеллектуал» с функциональной (социологической, функционально-социологической) точки зрения породило искушение расширить это совпадение

на любое другое восприятие данных социальных феноменов — либо проигнорировать эти другие восприятия вовсе. Так родилась концепция польского социолога Яна Щепаньского, популяризированная в российском интеллигентоведении А. В. Квакиным. Суть ее в том, что интеллигенция — не российское, а общемировое, общечивилизационное явление, обозначаемое термином «интеллектуалы / интеллигенция» или, в российском восприятии, «интеллигенция / интеллектуалы». Такому взгляду на этот процесс немало способствовал выход книги Я. Щепаньского «Элементарные понятия социологии» на русском языке еще в 1969 г. При всем том интеллигенции в книге уделено не слишком-то много внимания. Она упомянута в качестве социального слоя, отличающегося от «необразованных слоев» «культурной активностью, стилем жизни и т. д.», и, как сообщество «ученых, литераторов, поэтов, композиторов, художников, скульпторов, а, следовательно, всех тех, кто создает новые культурные ценности», отделена, по Т. Гейгеру, от «слоя образованных людей, которые получили знания, позволяющие им иметь причастность к ценностям, созданным творцами», и от слоя «академиков» — «формально имеющих высшее образование, подтвержденное дипломом» [Щепаньский, 1969: 171, 174].

Однако, по мнению некоторых исследователей, именно Ян Щепаньский после выявления более шестидесяти определений и интерпретаций терминов «интеллектуалы» и «интеллигенция» сформулировал три основных подхода к определению понятия. Эти подходы, по-видимому, правомочны в изучении интеллигенции любой страны, как ни называй каждого ее представителя, отнесенного к этой социальной, оценочно-этической или философской социальной группе — реально существующей или выделяемой исследователем. В изложении А. В. Квакина эти три подхода («три категории термина») выглядят так: «Во-первых, по роли критических интеллектуалов и творческой интеллигенции в создании и защите высших и неизменных ценностей правды, красоты, добра и справедливости. Во-вторых, по роли в популяризации идей, создании мифов и идеологий, а также критикующих общественный порядок. В-третьих, как особого социального слоя, играющего решающую роль в развитии культуры на основе

определяющих признаков — высшее или среднее специальное образование и нефизический характер труда» [Квакин, 2001а: 168].

Попытка дать всеобъемлющее определение интеллигенции / интеллектуалам привела А. В. Квакина и цитируемого им Я. Щепаньского к следующему: «Мы выделяем в интеллигенции категории интеллектуалов, создающих эстетические ценности: ученых, создающих интеллектуальные системы; специалистов различных типов, использующих теоретические знания для решения конкретных проблем; идеологов, которые создают и распространяют жизненную философию и политическую идеологию; вербальных техников, которые распространяют зарубежные идеи, комментируют и критикуют работу других людей и общественные институты других обществ» [Квакин, 1999: 36; Его же, 2001а: 168]. Что ж, нам остается или смириться в данной ситуации с ролью «вербальных техников», или поддержать ивановского философа В. Г. Ледяева в его критике (весьма сдержанной) квакинской концепции [Ледяев, 2001: 16]. Не говорим уже об уязвимости положения о том, что «любая социальная группа создает собственную интеллигенцию, представляющую из себя интеллектуальный слой данной группы», а люди, входящие в этот слой, «специально заняты разработкой идеологических связей» [Квакин, 2001а: 168], — это выходит за рамки данного очерка, тем более что статей об интеллигентах / интеллектуалах, к примеру, криминальных структур в ивановском журнале и материалах конференций, к счастью, пока не было, а от установления с ними «идеологических связей» преподавателей высшей школы Бог миловал. Важнее другое: в приведенном «всеобъемлющем» определении интеллектуал явно перевешивает интеллигента, ведь «моральному фактору», традиционно воспринимаемому в качестве основополагающего для интеллигента, места почему-то не нашлось.

При этом А. В. Квакин неоднократно подчеркивал, что дело не в терминологических, а в сущностных характеристиках того социального слоя, который в разных странах определяется по-разному — «интеллигенция» или «интеллектуалы». Ученый считал, что функциональный подход к определению интеллигенции / интеллектуалов выработан российским обществоведением, и в качестве предшественников называл, в частности, философов Н. О. Лосского и М. К. Мамардашвили. Определение это исходит

«из той функции, которую умственная деятельность выполняет в более широкой системе общественных отношений, и той роли, которую играет труд людей, занимающихся этой деятельностью, в данной системе. Эта функция обеспечивает связанность и гомогенность общественной жизни, интеграцию индивида в существующие общественные отношения, она создает единство всех социальных групп, так как предполагает организацию и воспитание сознания, специальную разработку идеологических отношений людей. Таким образом, **интеллигенцией является самореконструируемая и саморазвивающаяся группа людей любого общества, которые внутри социальных групп специально заняты разработкой идеологических связей**» [Квакин, 1999: 38].

Понятно, что это идет от А. Грамши, считавшего, что интеллектуалы являются продуктом каждого класса. Но механический перенос такого восприятия интеллектуалов на российское восприятие интеллигенции как продукта отечественной истории и культуры явно непродуктивен. Интересно также, что в довольно объемной статье из первого номера ивановского журнала, посвященной позиции интеллигенции по отношению к большевистскому октябрю 1917 г. [Его же, 2001б], А. В. Квакин называет всех ее персонажей интеллигентами и использует термин «интеллектуал» единственный раз: этой чести удостоилась та часть интеллигенции, которая в революционные годы была настроена к большевикам оппозиционно.

Термин и его восприятие

Восприятие интеллигентов и интеллектуалов в нерасторжимом единстве, отразившееся в двуединых терминах «интеллигент / интеллектуал» и «интеллигенция / интеллектуалы», в контексте современного процесса глобализации, на наш взгляд, закономерно и естественно, логично и научно. Весь вопрос в том, каково содержание этого термина, каковы возможности и границы его использования. Важно и то, что он подчеркивает главное: несведение понятия «интеллигенция» только к истории, сегодняшнему дню и будущему именно России.

«...Интеллигенция / интеллектуалы существуют в любом обществе, — подчеркивает А. В. Квакин, — хотя специфика

национального общественного развития диктует достаточно часто особые национальные черты данной социальной группы. Поэтому представляется более продуктивным говорить не о феномене русской интеллигенции, возвышающейся по своим морально-этическим качествам над западными интеллектуалами, а о российском отряде всемирного сообщества духовно развивающихся людей, специально занятых разработкой идеологических связей и вносящих вклад в прогресс всемирной культуры» [Его же, 1999: 38]. Позиция историка выражена прямо и неоднозначно: «Нет никаких оснований говорить о том, что русская интеллигенция коренным образом отличается от западных интеллектуалов по основополагающим принципам» [Там же: 36].

Интересно, что многие мыслители прошлого, нередко относимые к апологетам интеллигенции как специфически российского явления, таковым интеллигенцию не считали. Взять тех же современников «Вех». Н. А. Гредескул писал, что интеллигенция, в смысле ума и понимания, так же, как и в смысле нравственной чуткости, существует, конечно, у всех народов и во все времена; интеллигенция — это всегда и всюду верхний слой социального духа, его «сливки», его «цвет», «хотя в разные эпохи и у разных народов этот “цвет” духа может принимать разные формы, окрашиваться в разные цвета и оттенки» [Гредескул, 1991: 233]. Д. Н. Овсянико-Куликовский, указывая, что интеллигенцию от основной массы населения отличает умственная активность, отмечал, что проявляется она у разных народов и в разные эпохи: «Этой особенностью определяется и вся психология интеллигенции как в ее общих, типичных чертах, наблюдаемых повсюду, у разных народов и в разные эпохи, так и в ее многоразличных видоизменениях, зависящих от социальных условий, какими обставлена умственная деятельность у того или другого народа, в ту или иную эпоху» [Овсянико-Куликовский, 1991: 384—385]. П. Н. Милюков считал, что интеллигенция возникает в различных странах, когда рост культуры, усложнение общественных задач, усовершенствование государственно-общественного механизма и демократизация управления создают потребность в специализации и профессиональной группировке интеллектуального труда. Это «вовсе не есть явление специфически русское», «...я хотел лишь предостеречь от преувеличений тех писателей, которые

готовы считать все без исключения особенности русской интеллигенции ... нашими чисто русскими чертами», — замечает известный историк и политик [Милюков, 1991: 297, 298].

Автор известного в начале нашего века учебника «Социально-историческая антропология» Н. Н. Козлова посвящает интеллигенции отдельную главу, также рассматривая интеллигенцию и интеллектуалов в нерасторжимом единстве. Нюанс лишь в оформлении двойного термина: анализируемое двуединство представлено то как «интеллектуал (интеллигент)», то как «интеллектуал-интеллигент», то как «интеллигенция (интеллектуалы)». Автор смело причисляет себя к этой «человеческой разновидности» и, в отличие от Я. Щепаньского и А. Квакина, сводит определения к семи группам, отмечая среди критериев, наряду с культурой речи и прочим, «особые нормы морали, более высокие, чем в обществе в целом» [Козлова, 1999: 132]. Трудно удержаться и от цитирования приводимой характеристики прединтеллигентов: «Предшественники современных ученых и художников, инженеров и врачей, ученых и педагогов — колдуны, алхимики, жрецы, лекари, священники, теологи и придворные поэты». Впрочем, тут же утверждается, что интеллигенция — реалия российская, что слово это непереводимо, а представители советской интеллигенции лишь «напоминали западных интеллектуалов» [Там же: 133, 134, 136].

Среди «ивановцев» на концепцию нерасторжимого единения интеллигенции и интеллектуалов обратили серьезное внимание, в частности, С. С. Садина и В. В. Возилов. Из множества формулировок понятия «интеллигенция» С. С. Садина останавливается на восприятии А. В. Квакиным интеллигенции / интеллектуалов в любом обществе как «специализированного субъекта духовного производства, социальная природа которого зависит от роли в общественной организации труда». «Специфику национального общественного развития» в исследовании С. С. Садиной определяет советский период отечественной истории [Садина, 2008: 230].

На конференции 2012 г. В. С. Меметов обращает особое внимание [Меметов, 2012: 4] на публикацию В. В. Возилова «К вопросу о содержании понятия “интеллигенты / интеллектуалы”» как «аналитический доклад для обсуждения и дискуссии». В указанной публикации и развивающей ее статье в журнале

«Интеллигенция и мир» утверждалось, что существенных различий между интеллигентом и интеллектуалом нет и от избыточных понятий надо отказываться, а главной функцией интеллигенции является управленческая деятельность. «Теоретическая проблема, связанная с различением понятий “интеллигенты” — “интеллектуалы” — “умственная элита”, возникает у исследователей в том случае, когда они обращаются к анализу либо мировоззренческих, либо профессионально-технологических установок, принципов деятельности небольших групп работников умственного труда. В общетеоретическом смысле понятия “интеллигенция”, “интеллектуалы”, “интеллектуальная элита” совпадают», — утверждает В. В. Возилов [Возилов, 2013: 12].

В единстве рассматривал «русских специалистов-интеллектуалов-интеллигентов» (даже так!) волгоградский историк И. Е. Казанин как участник дискуссии о становлении интеллигентоведения как вузовского учебного курса. Однако «подготовку интеллектуалов демократической ориентации (на что сориентированы образовательные стандарты зарубежных элитных вузов)» в российских условиях И. Е. Казанин считает важной, но недостаточной: необходимо обеспечить эффективный процесс формирования людей, которые, наряду с профессиональными знаниями, могли бы обеспечить культурно-историческую преемственность между поколениями россиян, различными пластами отечественной культуры, этапами и эпохами развития российской цивилизации. Решить эту задачу можно, если актуализировать связи с русскими культурно-историческими традициями [Интеллигенция: проблемы...: 56].

С позиций глобальной, общецивилизационной истории смотрит на интеллигенцию ивановский философ В. Г. Малая. Становление интеллигенции она относит к античному обществу, обращает внимание на ее специфику в средневековье и особенности в условиях капитализма. Она разводит понятия «интеллигент» и «интеллектуал», но делает акценты на их связи друг с другом, на проблеме диалога российской интеллигенции с «западноевропейской» и «восточной» [Там же: 58].

Как видим, используя термины «интеллигент / интеллектуал» и «интеллигенция / интеллектуалы», авторы часто склоняются к восприятию их в качестве синонимов понятий «интеллигенция»

в российской интерпретации этого термина или «интеллектуалов» — в западноевропейской традиции. И тогда В. В. Возилов прав, подозревая термин в избыточности. Стремление рассмотреть тот или иной составной элемент в отдельности возвращает нас к «основному вопросу» интеллигентоведения и делает попытку объединения по-разному понимаемых терминов эклектичной и бесперспективной. В целом же термины «интеллигент / интеллектуал», «интеллигенция / интеллектуалы» позволяют рассматривать сам факт наличия всемирной интеллигенции во всех странах в самом общем, социологическом ее понимании и восприятии как «работников умственного труда», безотносительно к конкретным индивидуумам.

С этой точки зрения важен именно факт признания наличия интеллигенции за рубежом, даже в древности и в средневековые. Среди первоходцев в этом важном деле были Я. М. Бергер, Т. В. Блаватская, П. Л. Карабущенко, Г. В. Михайлин, И. И. Осинский, М. Т. Петров, М. С. Петрова, Е. Б. Рашковский, изучавшие в 1970–1990-е годы интеллигенцию античности, европейского средневековья и нового времени, Монголии, Польши, США, других регионов и времен. В ивановской традиции первыми были С. В. Конорев, А. Г. Лапшин, Е. В. Ледяева, О. А. Никонов, Я. Ю. Новиков, В. К. Поддубный, Р. Р. Юсупов, публиковавшие работы, посвященные интеллигенции Англии, Бразилии, Индии, Ирана, Ирландии, Польши и др. Динамика, характеризующая возрастание интереса к истории и современному состоянию интеллигенции в различных странах и регионах планеты, представлена в таблице.

**Число работ, посвященных зарубежным интеллектуалам,
в журнале «Интеллигенция и мир» (без учета государств
на территории Российской империи и СССР)**

Период	Всего учченных публикаций	Из них посвященных ин- теллектуалам	Посвященных интеллектуалам в % от всех публикаций
2001—2005	216	7	3,2
2011—2015	234	42	18
2015—2020	191	38	20
2021—2024	143	36	25

Нерасторжимое единство и его внутренние противоречия

В контексте глобализации рассматривает проблему ивановский профессор А. А. Белов, представивший, по сути, «монографию в монографии» под названием «Место и роль интеллигенции в формировании и развитии информационного общества». Не упоминая ни Щепаньского, ни Квакина, анализируя прежде всего процессы информатизации и природопользования, экологии, автор прямо заявляет, что в мировой истории, и тем более в глобализационном процессе, разделение на интеллигентов и интеллектуалов условно и обусловлено ситуационными причинами в ряде стран. «Интеллект является определяющей составной частью целого — интеллигентности, атрибутом интеллигента, — утверждает ученый. — Сформировавшееся в научной и публицистической литературе противопоставление интеллигентности и интеллектуальности, русской интеллигентности и западного интеллектуальства с позиции внутренней определенности качества индивидуума представляется не вполне корректным. Такое противопоставление аналогично тому, если сопоставить электродвигатель и, допустим, его статор. Ну а как и к чему будет подключен ротор — зависит от внешних факторов. Так и в интеллигентности, базисом которой является интеллектуальность, остальные свойства всецело определяются внешними условиями, а точнее — отношениями интеллектуала со средой, т. е. конкретным содержанием всей коммуникационной системы. Эти свойства связаны с идеалами, интересами, потребностями, целями, т. е. с прагматикой, которую в высшей степени для русской интеллигенции определяют чаще всего духовно-нравственными ценностями. К сожалению, эти ценности зачастую измеряются, особенно в России, отношением интеллектуалов к власти, вызванным, в свою очередь, отношением власти к интеллектуалам» [Белов, 2008: 304].

Подобная точка зрения порой приводит то к мало что объясняющим упрощениям типа «интеллигенция есть часть народа, занимающаяся умственным трудом», то к эффектным, но, увы, уже не интеллигентным заявлениям: «Русская интеллигенция была западным интеллектуальством, пересаженным на русскую казарменную почву». И уж совсем несерьезно в свете ситуации в сегодняшней западной политике и дипломатии выглядит

поддержанное А. А. Беловым утверждение: «Где властью занимаются профессионалы-политики, там вопрос об отношении интеллектуалов к власти не стоит — во всяком случае не в большей степени, чем об отношении их, скажем, к экономике» [Гаспаров, 1999: 10, 11; Белов, 2008: 305]. К счастью, понятие «профессионал-политик» не вошло пока в число краеугольных камней интеллигентоведения.

Принятая за аксиому «самая простая, хотя и безусловно упрощенная дефиниция: интеллигент — это работник умственного труда» [Белов, 2008: 307] не помешала рассуждению автора в следующем направлении. Инструктивная, обладающая определенной ценностью гуманитарная информация, которая не должна отклоняться от гуманистической направленности, играет ключевую (организующую и направляющую) роль в процессе социального развития, а источником такой информации могут и должны стать «интеллигенты, интеллигенция», подключенные к новому электронному информационному пространству. Интеллигенты и даже прединтеллигенты у А. А. Белова — это индивиды, оказавшиеся в авангарде поиска путей решения экологических и других важнейших проблем, стоящих перед человечеством. Эти люди обладают наивысшей степенью коммуникативности и интеллекта, объединены единым информационным пространством и вырабатывают в своем сознании не только пути решения этих задач, но и «нормы и правила общечеловеческого поведения, т. е. мораль, как один из основных способов нормативной регуляции действий человека в обществе, в его отношении к природе» [Там же: 296].

Но тут выясняется вот что. Теория информационного общества утверждает, что на смену духовенству, феодалам (до-индустриальное общество) и бизнесменам (индустриальное общество) в качестве господствующего класса выдвигаются интеллектуалы. Однако, вопреки утверждению идеологов пост-индустриального общества (Ж. Ж. Серван-Шрейбера, Дж. Нейсбита, Ё. Масуды и др.), «интеллектуалы, чей интеллект определяется профессиональными тестами (формальными или неформальными), не стали господствующей силой в обществе, а остались по-прежнему работниками умственного труда, привлеченными бизнесом и подвластными ему, его целям и менталитету. Являясь одновременно и производителями, и потребителями, эти

работники, чей труд в силу усложняющихся социоэкологических отношений становится все более востребованным, сами не изменили качественно своей потребительской этики». И тогда на смену «материалистам», традиционно исповедующим такие ценности, как экономический рост, благосостояние, безопасность и т. п., приходят «постматериалисты», ставящие во главу своего мировоззрения приоритеты гармоничных отношений между людьми и самореализации личности, и таких людей становится все больше. Это, «как правило, люди интеллектуального, творческого труда, не самые богатые, но вполне обеспеченные, по своему профессиональному и социальному статусу обладающие достаточно высокой степенью независимости, и которых с полным правом можно отнести к интеллигенции» [Там же: 294, 298]. А материалистов? На этот вопрос А. А. Белов ответа не дает. Из ранее приведенных рассуждений следует, что они это высокое звание как «труженики интеллекта» уже имели — так сказать, изначально.

Однако, осмысливая информационно-ментальное пространство, автор приходит к выводу: «Не каждый интеллектуал, т. е. субъект, обладающий высокими интеллектуальными способностями, может быть, по крайней мере, в равной степени, интеллигентен. Более того, не каждый интеллектуал может быть интеллигентом, в то время как интеллигент не может быть таковым, не обладая интеллектуальными способностями» [Там же: 317]. И хотя речь в данном случае идет лишь о наибольшей чувствительности (критичности) к изменениям во внешней среде, к возникающим несоответствиям внешнего и внутреннего функционирования, о наиболее развитой коммуникативности, наибольшей независимости в мышлении и поведении — интересующее нас разделение очевидно и с этих позиций. Это тем более показательно, что изначально такое разделение с иных позиций категорически отрицалось. Высшей степени интеллигентности соответствует стремление действовать ради коллектива, общества и высших ценностей бытия — истины, справедливости, красоты, добра, совершенства и т. п. Таких людей должно быть всё больше, и этот процесс глобализации интеллигенции («интеллигентизация») может обеспечить формирование новой ноосферы, став основой жизнеспособной концепции устойчивого развития всего общества. Вероятно, под этим может подписьаться абсолютное

большинство российских интеллигентоведов, особенно если сделать акцент на «должно быть». К сожалению, реальность не всегда соответствует нашим желаниям.

Другое дело, что это большинство вряд ли согласится с отнесением к интеллектуалам всей советской интеллигенции, да еще и по одному-единственному критерию — уровню жизни. Впрочем, в одном ряду с огульным отрицанием общепринятой классификации интеллигенции по профессиональному признаку или восхвалением экономических успехов стран «шестерки» это не очень удивляет. В целом же концепция А. А. Белова представляется заметным и важным вкладом в интеллигентоведческий процесс, в том числе и в рассматриваемом аспекте.

Вальтер Беньямин как «интеллектуал / интеллигент»

Отдельные главы ивановских монографий посвящены анализу творческого наследия немецкого философа и эссеиста Вальтера Беньямина, который, благодаря усилиям историка Д. А. Смирнова (как соавтора трех из четырех рассматриваемых монографий) стал едва ли не главным их героем, пытавшимся проанализировать негативные процессы на рубеже 1920—1930-х гг. в Германии, Западной Европе, заметив их и в советской России. В монографии 2010 г. глава называется «Европейский интеллектуал в кризисные моменты истории начала XX века: его общественная роль». При этом Д. А. Смирнов считает, что интеллектуалов и интеллигентов называли по-разному в зависимости и от оценки их места в обществе, и от понимания этого места ими самими. А так те и другие, как и рядоположенные священнослужители и ученые, — это искатели веры и правды, люди, размышляющие над вечными вопросами, стоящими перед человечеством. Ключевым для таких «искателей» было понятие «интеллектуал», фиксируется оно в таком качестве и в публикации Д. А. Смирнова. «Тем более, — замечает автор, — что в немецком языке понятие “интеллигенция” скорее характеризует интеллект вообще и не может быть использовано для понимания социальной группы» [Смирнов, 2010: 323].

Поэтому логично, что интеллигенция и рассматривается как «сообщество интеллектуалов», в задачи которого входит непредвзятая оценка разворачивающихся процессов в обществе,

политике, экономике, а также разрешение вопроса о собственных интересах интеллигенции. А еще это сообщество интеллектуалов называется «классом гуманитариев» и «интеллектуальным классом». Историк убежден, что и у его героя термины «интеллигенция» и «интеллектуалы» — это варианты перевода одного понятия. С самого возникновения интеллектуалов у них было, по мнению В. Беньямина, «всемирно-историческое дело, всеобщие и абстрактные человеческие ценности: поучать свободе и праву и человечности». Однако самовосприятие интеллигенции как особой группы «людей духовного и умственного труда» мыслитель считал ошибочным, поскольку «революционная борьба разыгрывается не между капитализмом и духом, но между капитализмом и пролетариатом». Герой Д. А. Смирнова при всех искааниях и разочарованиях был и остался марксистом, а потому интеллектуал, по его мнению, «осознанно или нет, хочет он или нет, работает по поручению класса и сохраняет мандат класса. То, что экономический базис существования интеллектуала становится всё уже, в последнее время ускорило это прояснение» [Там же: 327, 336, 338].

Характерно, что сторонников этих взглядов среди современных российских интеллектуалов практически нет: это элементарное марксистское положение выглядит анахронизмом. Не потому ли, что современная российская интеллигенция ориентируется не на классы, а или на власть, или на себя, любимую? И себя же как социальный слой и обслуживает — интеллектуально и духовно? Не увидел служения российской интеллигенции тому же принесенному в жертву мировой революции пролетариату и Беньямин, побывавший в советской Москве зимой 1926—1927 гг.: от имени пролетариата поручение интеллигенции давала политическая власть, ее партийные органы. В Советской России интеллектуал, по мнению В. Беньямина, «это, прежде всего, функционер, работающий в цензурном, юридическом или финансовом управлении, где он обречен на гибель, он причастен труду, а это значит в России — власти. Он представитель господствующего класса. Среди его различных организаций самая продвинутая литературная — это ВАПП, Всероссийская ассоциация пролетарских писателей. Она поддерживает идею диктатуры пролетариата и в области духовного творчества» [Там же: 331].

Также отмечается, что интеллектуалы возвращаются как специалисты на должности, которые они саботировали во время гражданской войны; никакой оппозиции, кроме самой лояльной, не существует — она либо заключила перемирие с большевиками, либо была уничтожена. Вероятно, это, пусть вынужденное, но, возможно, объективное после общественных потрясений революции и гражданской войны, слияние интеллигентов и интеллектуалов было на руку «сталинскому форсажу» и также работало на его успех. Очевидно, что аналогичные процессы происходили и в фашизирующихся странах Запада. Правда, в 1920-е годы во Франции Беньямин, по мнению Д. А. Смирнова, видит еще стремление интеллектуалов обособиться от развернувшихся в Европе процессов, встать над ними, вооружившись лозунгами о своей особой роли, миссии, задаче защиты высших ценностей. Однако в «ландшафте общественного устройства империализма» интеллектуалам становилось всё труднее, а стремление обособиться в качестве носителя «общечеловеческих ценностей» на фоне радикализации идеологической борьбы делало эту позицию опасной.

Более широким взглядом Д. А. Смирнова становится в главах монографий 2014 и 2016 гг. «“Потерянное поколение” и российский “креативный класс”: исторические параллели» и «Трансформация современного мира в критике западноевропейских интеллектуалов». И хотя в качестве типичного представителя «потерянного поколения» в основном выступает всё тот же Вальтер Беньямен, который и на войне-то не был, сам факт столь смелого сопоставления и попытки проведения поистине межцивилизационных и межвременных аналогий заслуживают всяческого внимания. При этом интеллигенты и интеллектуалы отождествляются не только применительно к их функционированию в странах Запада, но и в условиях России: «Определенное сходство условий, а именно острый социально-экономический кризис и политические проблемы конца XX века, вызванные распадом СССР, позволяют рассматривать интеллигенцию, интеллектуалов в России в 1990—2000-е годы как отечественный вариант “потерянного поколения”. В этом плане примечателен и выбранный в последнее время для него термин “креативный класс”. Хотя это понятие было предложено Ричардом Флоридой в начале

2000-х годов для характеристики современных американских интеллектуалов, отечественные исследователи его подхватили и также пытались сделать акцент на “креативности” молодых российских интеллектуалов. Термин быстро стал общепризнанным в исследованиях современного российского общества. С одной стороны, он позволяет рассматривать разворачивающиеся в интеллектуальной среде России социальные процессы в контексте глобализирующегося мирового общества; с другой стороны, дает возможность объяснить рост “творческой” активности российских интеллектуалов, которая часто выходит за рамки искусства, проникновением в их среду чуждых для современного российского общества элементов и идей» [Смирнов, 2014: 174].

Отмечается, что «потерянное поколение» оказывалось чуждым для послевоенной Европы, как и «креативный класс» в современной России. В то же время автор столь смело аналогии понимает, что полное отождествление рассматриваемых нами понятий в современных условиях может завести очень далеко, а потому временами, на всякий случай, все-таки жонглирует терминами: если, к примеру, левые — то интеллигенция, если правые — то интеллектуалы [Там же: 180].

Текст Д. А. Смирнова 2016 г. содержит ценное для нас замечание о том, что противоречивость социальной роли западноевропейских интеллектуалов и перемены в их самовосприятии в российской историографии особенно ярко отразились в дискуссии о соотношении понятий «интеллектуалы» и «интеллигенция»: «Многие отечественные авторы противопоставляют ее социальную роль западноевропейским интеллектуалам. Однако раскрытие особенностей участия интеллектуалов непосредственно в социальных и духовных процессах Западной Европы ведет к признанию рядом отечественных авторов их близости российской интеллигенции» [Смирнов, 2016: 180]. А потому ивановский историк смело допускает отождествление «интеллигенция, или интеллектуалы», а в изложении концепции Р. Флориды, как само собой разумеющееся, заменяет термин «интеллектуалы» на более нам понятный и близкий: «Флорида в образе “креативного класса” дал новое понимание интеллигенции» [Там же: 102, 142].

Интеллигентоведение и интеллектуаловедение

В программной первой главе монографии 2010 г., написанной под руководством В. С. Меметова, прямо было указано на необходимость обращения к опыту западного «интеллектуаловедения», также имеющего определенные традиции. На примере научной литературы французского происхождения предпринята попытка показать, что ее авторы (Л. Боден, Ж.-Н. Капферер, П. Ори, Ж.-Ф. Сиринелли, Ж. Верде-Лепу, М. Винокк) не так уж далеки от подходов, сложившихся в России. Даже историю самосознающих себя как общественное явление интеллектуалов они начинают чаще всего со знаменитых выступлений Эмиля Золя и других представителей прогрессивной французской общественности по поводу дела Дрейфуса в 1894—1898 гг., что также хронологически сопоставимо с аналогичными явлениями российской истории и не так далеко отстоит от присвоившего себе приоритет П. Д. Боборыкина. Несмотря на распространенное мнение о неприживаемости термина «интеллигенция» в западном обществознании (что объясняется отчасти даже фонетическими трудностями), в ряде работ, посвященных отнюдь не истории России, он всё же используется. Аналогичные трудности в применении термина «интеллектуалы» к российской действительности свидетельствуют о сопоставимости, в общем и целом, западного понятия «интеллектуалы» и российского «интеллигенция» — и допустимости соответствующего перевода этих родственных слов, по крайней мере в филологически-литературной традиции [Порозов, Пересторонина, 2013].

В этом плане, какая бы специфика ни вкладывалась в понятия «интеллигенция» или «интеллектуалы» в той или иной стране, речь, в сущности, идет об одном и том же — категории людей, группе в социуме, имеющей свои специфические и чрезвычайно важные роли и в «базисе», и в «надстройке». Следовательно, попытка Яна Щепанского и А. В. Квакина дать всеобъемлющее понятие очевидно существующего общественного феномена заслуживает внимания и снимает многие надуманные проблемы. Эта тенденция обозначена как направление Я. Щепанского — А. В. Квакина в противоположность направлению

Р. В. Иванова-Разумника — Н. А. Бердяева, подчеркивающему чисто российское происхождение и существование интеллигенции.

Имеющиеся оценки исследований А. Геллы, М. Джиласа, М. Макколи, К. Мангейма, Дж. Маркера, Р. Пайпса, Д. Ромни, Ш. Фитцпатрик, Дж. Хоскинга, Э. Шилса, А. Штайнингера позволяют выделить в западной историографии весьма тождественные подходы к определению интеллигенции: «1. слой специалистов, подразделяющийся на профессиональные страты; 2. особый, социально свободный слой интеллектуалов; 3. новый господствующий класс; 4. своеобразный феномен России и Восточной Европы» [Пелевина, 1995: 451]. Порой пересекаются и концепции: в самом деле, что можно возразить против вывода Д. Байрау о невозможности простого противопоставления власти и интеллектуала при рассмотрении проблемы «интеллигенция и власть»? [Байрау, 1994: 132]. На первый взгляд интеллигенцию и интеллектуалов, тем более всех прединтеллигентов, могло бы объединить понятие «интеллектуальная элита», но его слабость в еще большей неопределенности: «Она, в том смысле, который порой вкладывается в это понятие, либо отождествляется с интеллектуалами, либо сливаются с элитой финансовой, политической и т. п., либо легко выделяется даже у первых обезьяноподобных предков — всё дело в субъективных критериях» [Интеллигенция...: 39].

Не меньше материала для размышлений в избранном направлении дают определения отдельных групп, слоев, «отрядов» интеллигенции. Вот как определял в 2010 г. церковную интеллигенцию ее ведущий в ивановской интеллигентоведческой традиции исследователь А. А. Соловьев: «К церковной интеллигенции мы относим основную часть преподавательского состава высших и средних духовных учебных заведений, имеющего высшее богословское или светское образование, профессионально занимающегося религиозно-культурными проблемами» [Соловьев, 2010: 104]. Так чем же под это определение не подойдут западные церковные интеллектуалы или, скажем, восточные религиозные мыслители? Тем более, когда историк Православной Церкви обращается к мнению французского ученого К. Шарля по поводу моноцентристической и bipolarной моделей общественной жизни: «...свободные профессии исторически складывались в противостоянии обеим этим моделям. Они были не индустрией,

а скорее служением, в них культивировалась идеология бескорыстия. При этом представители свободных профессий с самого начала стремились освободиться от политического диктата, пользуясь, однако, покровительством государства» [Там же: 104; Шарль, 2005: 32].

Не вдаваясь в полемику о принадлежности к интеллигенции не преподающих церковных деятелей — тех же выдающихся представителей феномена старчества, к примеру, — обратим внимание и на остающуюся за рамками определения «неосновную часть». При таком подходе, когда исследователи отождествляют с «представителями свободных профессий» большую часть интеллигенции, смущает остающаяся «меньшая часть» «интеллигентов-неинтеллектуалов». Хочется верить, что если таковую все-таки удастся вычленить, то она будет не столь значительна, чтобы обрушить наметившуюся конструкцию. Конечно, преподаватель социально-гуманитарных дисциплин по определенным параметрам может оказаться не интеллигентом, но вот если он еще и не интеллектуал… В психологическом плане это возможно, по тому же IQ, но профессиональный критерий не соблюдается, и возникает опасность полного субъективизма исследователя.

Относительно интеллигенции стран Востока, чаще всего имеющей «восточными мыслителями», надо признать: если в конкретно-историческом ее изучении сделано уже немало, то в теоретическом плане интеллигентоведением пройдены лишь первые шаги. Различить в общем восприятии национальной интеллигенции собственно интеллигентов и интеллектуалов пока не представляется возможным. Так, участницы XXXI ивановской конференции С. Г. Петрова и М. В. Баканова дают некоторое представление об интеллигенции Китая и Пакистана, в которых анализируемая терминология начинает обозначать не отдельных ученых и их умозрительную совокупность, но и «некий общественный элемент» [Петрова, 2021: 110]. М. В. Баканова вообще базируется на определении интеллигенции из Большой советской энциклопедии, а понятие «интеллектуалы» рассматривает как «узкую часть термина “интеллигенция”» [Баканова, 2021: 137—138]. Этого оказывается достаточным, чтобы рассматривать «образованную элиту» как западных, так и мусульманских стран в качестве интеллигенции.

В. С. Меметов и «интеллигенция / интеллектуалы»

Определенную дань глобалистскому отождествлению интеллигентов и интеллектуалов отдал и В. С. Меметов, допустивший термин «интеллигенты / интеллектуалы» в темах двух конференций и заглавиях сборников материалов этих форумов. Однако анализ его собственных взглядов на проблему выявляет некоторую противоречивость и недоговоренность. В 2004 г., упоминая об имевшей место в Неаполе в 1993 г. конференции «Христианство и культура сегодня», организатором которой был по всем параметрам интеллектуал Витторио Страда, В. С. Меметов отмечает, что «в задачу конференции... входила встреча представителей итальянской и российской интеллигенции». Закономерен вопрос: из кого же состояла «итальянская интеллигенция»? По всем предыдущим формулировкам Валерия Сергеевича получается, что из интеллектуалов! При этом сами интеллектуалы представляют «культуру» как «лабиринт интеллектуальных поисков», уступая «сеть духовных путей» «христианству» [Меметов, 2004: 3]. Остается разделить интеллектуалов на «светских» и «христианских» и признать за некоторыми представителями последних духовность как одну из черт, монополизированных русской интеллигенцией.

Ситуацию осложняет (или упрощает?) признание того факта (и тут следует новый фрагмент из цитируемых В. С. Меметовым материалов итальянской конференции), что культура **«родилась в вере**, в ней она выросла и созрела, и в ней она принесла плоды мудрости». Наконец, профессор Меметов солидаризируется с К. Б. Соколовым, обратившим внимание на тот факт, что духовные лица профессионально (!) занимались формированием и сохранением культуры своих прихожан, а исполнение духовными лицами подобных функций «позволяет считать этих воспитателей народа интеллигенцией» [Там же: 4, 6].

Однако, разделяя взгляд на данную функцию интеллигенции, отождествления интеллектуалов и интеллигентов профессор Меметов не приемлет: «Трудно согласиться, что в обществе укрепляется мнение об исчезновении интеллигенции и номенклатуры и их замене “средним классом” и “правящей элитой”» — и, наконец, интеллектуалами, что однозначно определяется как

«опасный процесс» [Меметов, 2006: 6]. Вывод о возможности перерождения интеллигенции, а тем более номенклатуры, в интеллектуалов, бесспорен, но вопрос о том, рассматривается ли эта переродившаяся часть в рамках интеллигенции или выводится за эти рамки, в 2006 г. оставался открытым и, по сути, является та-ковым до сих пор.

Наметившаяся в 2012—2014 гг. дискуссия не была, к сожалению, поддержанна российскими интеллигентоведами. Но даже на конференциях, посвященных «интеллигентам / интеллектуалам», сам Валерий Сергеевич по-прежнему говорил и писал об интеллигентах и (!) интеллектуалах, о «зарубежных интеллектуалах и отечественных интеллигентах». В качестве задач предполагалось «построить модель соотношения созидающего и разрушительного потенциалов интеллигенции и интеллектуалов в общественно-политической жизни, разработать концепцию общественной востребованности этих потенциалов и способов манипулирования ими со стороны властных структур и политических элит» [Меметов, 2015: 4] — но поистине международного, глобального звучания проблемы не получилось. Впрочем, явная ставка сильных мира сего именно на разрушительный потенциал интеллигенции вряд ли предполагала их заинтересованность в раскрытии этих механизмов.

Однако в 2016 г. вновь повторенный в формулировке темы конференции и заглавии сборника термин «интеллигенция / интеллектуалы» заставил высказаться предельно конкретно. Профессор Меметов солидаризируется с позицией В. В. Комиссарова, высказанной на защите его докторской диссертации (выделено В. С. Меметовым): **«Всё зависит от критериев, по которым мы выделяем эти понятия... Поэтому искать общее в этих понятиях можно только с функциональной точки зрения»** [Меметов, 2016: 4]. Итак, с функциональной точки зрения — можно! Что соответствует социологическому подходу к определению интеллигенции.

Приведя пять позиций «расшифровки» социологами понятия «интеллектуал», одна из которых прямо утверждает, что интеллектуал есть **«представитель социального слоя интеллигенции»** (выделено!), сам мэтр от включения интеллектуалов в интеллигенцию воздерживается, вновь утверждая понятие «интеллектный слой», включающий в себя и интеллигенцию, и интеллектуалов.

Одних от других ученый отделяет по их **общественной роли**: «Если интеллигенция всегда претендовала на особую ведущую роль в жизни общества, то интеллектуалы, как правило, функциональны в своей интеллектуальной профессиональной деятельности» [Там же: 4—5].

Вопрос о роли в жизни общества «интеллектуальной профессиональной деятельности», различии этих ролей также остается дискуссионным. Сам В. С. Меметов возвращается далее к определению интеллигенции как **«элиты общества»**, предлагая смотреть на элиту более широко. Опять же получается, что интеллектуалы, однозначно, в элите и, следовательно... в интеллигенции. Но тут вновь недоговоренность и переход к понятию **«личность»**, которая, опять же, «видится в тесном сочетании с понятиями “интеллигент” и “интеллектуал”» и «вбирает в себя лучшие **сущностные черты** как интеллигенции, так и интеллектуалов» [Там же: 5].

Заключение

В материалах 30-й «меметовской» конференции, собравшейся через полтора месяца после кончины выдающегося ученого, звучит его однозначный вывод: «Решающим критерием интеллигенции считается наличие соответствующего образовательного уровня» [Меметов, 2019: 5]. Вот нам и еще один повод задуматься не только о различиях, но и о сближении понятий **«интеллигент»** и **«интеллектуал»**. Однако очевидно и то, что **«сущностные черты интеллигенции и интеллектуалов»**, особенно с позиций не социологического, а иных подходов к понятию **«интеллигенция»**, все-таки различны, поэтому вместо **«интеллигенции»** и появляется объединяющий их, по крайней мере по многим позициям, **«интеллектный слой»**.

А потому, начиная с 28-й конференции 2017 г., термин **«интеллигенция / интеллектуалы»** почти никто не воскрешал, предпочитая всех устроившее словосочетание **«интеллигенция и интеллектуалы»**. Термин **«интеллигенция / интеллектуалы»**, безусловно, имеет право на существование, но надо помнить, что первую его составляющую — **«интеллигенцию»** — интеллигентоведению как научной дисциплине следует воспринимать в узком и, если угодно, **«российски ориентированном»** смысле этого

слова: как сообщество интеллигентов. Интеллигенция в широком смысле этого слова состоит и из интеллигентов, и из интеллектуалов. В этом смысле термин «интеллигенция / интеллектуалы» равнозначен понятию «интеллигенция», становясь избыточным. Полагаем, что именно понятию «интеллигенция» в широком смысле и равнозначно понятие «интеллектный слой».

Непонимание этих двух подходов к трактовке понятия может привести к серьезной методической путанице и практически неразрешимым проблемам, ибо исключить «переродившихся» в интеллектуалов интеллигентов из состава российской интеллигенции в конкретном историческом исследовании, к примеру, можно лишь при индивидуальном рассмотрении представителей данного социального слоя. Так сделала, к примеру, М. И. Кондрашева, аргументированно исключив одного из публицистов из числа интеллигенции и «отправив» его в интеллектуалы [Кондрашева, 2015], но проделать такую работу в масштабе региона или страны может лишь вычислительная техника будущего в результате победы пресловутой цифровизации. Но в этом случае различия между интеллигентами и интеллектуалами проводиться уж точно не будут.

«Работа же на уточнение и корректировку интеллигентообразующих понятий будет способствовать повышению качества всей нашей деятельности» [Меметов, 2016: 5], — этот, один из основополагающих, заветов В. С. Меметова всегда будет оставаться в силе.

Список источников

- Байрау Д. Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2. С. 122—135.
- Баканова М. В. Интеллигент Британской Индии — сэр Сайд Ахмад Хан // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теор. конф., приуроч. к 20-летию журнала «Интеллигенция и мир», Иваново, 23—24 сент. 2021 г. / отв. ред. В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 137—141.
- Белов А. А. Место и роль интеллигенции в формировании и развитии информационного общества // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. С. 278—346.

- Возилов В. В.* К вопросу о содержании понятия «интеллигенты / интеллектуалы» // Ответственность интеллигенции в контексте времени: материалы XXIII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 27—29 сент. 2012 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. С. 19—22.
- Возилов В. В.* Методологические аспекты содержания понятия «интеллигенты / интеллектуалы» // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 9—16.
- Гаспаров М. Л.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Российская интеллигенция: история и судьба. М.: Наука, 1999. С. 5—14.
- Гредескул Н. А.* Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи; Интеллигенция в России: сб. ст. 1909—1910 / сост. Н. Казакова. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 227—268.
- Золотарёв О. В.* Постсоветская интеллигенция: после ночи приходит рассвет? // Ответственность интеллигенции в контексте времени: материалы XXIII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 27—29 сент. 2012 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. С. 6—9.
- Меметов В. С., Казанин И. Е., Малая В. Г. и др.* Интеллигентоведение: проблемы становления нового вузовского курса: «за» и «против» // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 53—60.
- Интеллигенция: вопросы теории и методологии: кол. монограф. / под ред. В. С. Меметова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. 379 с.
- Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности: кол. монограф. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. 275 с.
- Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные ... и похожие. Проблемы самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века: кол. монограф. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 200 с.
- Квакин А. В.* Мифы и реалии истории русской интеллигенции // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: Итоги пройденного пути и перспективы: тез. докл. X Междунар. науч.-теор. конф., Иваново, 22—24 сент. 1999 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1999. С. 34—38.
- Квакин А. В.* Установление советской власти в России и политические позиции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2001а. № 1. С. 34—49.
- Квакин А. В.* Интеллектуальная элита — интеллектуалы / интеллигенция: ещё раз о соотнесении понятий // Интеллигенция и мир. 2001б. № 2/3. С. 166—169.
- Козлова Н. Н.* Социально-историческая антропология: учебник. М.: Ключ, 1999. 187 с.

- Кондрашёва М. И.* Интеллигенция — интеллектуал: размышления интеллигентоведа // Интеллигенция / интеллектуалы в кризисные и переломные периоды общественного развития: материалы XXVI Междунар. науч.-теорет. конф., приуроч. к 70-летию завершения Второй мировой и Великой Отечественной войн, Иваново, 24—26 сент. 2015 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 20—21.
- Ледяев В. Г.* Понятие интеллигенции: проблемы концептуализации // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 12—18.
- Милюков П. Н.* Интеллигенция и историческая традиция // Вехи: Интеллигенция в России: сб. ст. 1909—1910 / сост. Н. Казакова. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 294—381.
- Меметов В. С.* Слово к читателю // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 3—4.
- Меметов В. С.* На путях дальнейшего сотрудничества и взаимопонимания // Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее, будущее: материалы XV Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—25 сент. 2004 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. С. 3—6.
- Меметов В. С.* О некоторых закономерностях политической культуры интеллигенции // Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества: материалы XVII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 21—23 сент. 2006 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. С. 3—6.
- Меметов В. С.* Современное интеллигентоведение: достижения и сохраняющиеся вопросы // Дискуссионные вопросы современного российского интеллигентоведения: материалы XXII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 22—24 сент. 2011 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. С. 3—5.
- Меметов В. С.* Ответственность российской интеллигенции в кризисные периоды // Ответственность интеллигенции в контексте времени: материалы XXIII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 27—29 сент. 2012 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. С. 3—6.
- Меметов В. С.* На пути развития современного интеллигентоведения // Интеллигенция современного мира в ее многообразии: материалы XXIV Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 26—28 сент. 2013 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 4—7.
- Меметов В. С.* Интеллигенция / интеллектуалы и меняющаяся социально-политическая действительность: постановка проблемы // Интеллигенция / интеллектуалы в кризисные и переломные периоды общественного развития: материалы XXVI Междунар. науч.-теорет. конф., приуроч. к 70-летию завершения Второй мировой и Великой Отечественной войн, Иваново, 24—26 сент. 2015 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 3—5.

- Меметов В. С.* О понятийных и интеллектно-образующих связях в современном интеллигентоведении // Специфика социально-политической активности интеллигенции / интеллектуалов в современном мире: материалы XXVII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 22—24 сент. 2016 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. С. 3—5.
- Меметов В. С.* Российская интеллигенция и правящая элита: проблемы взаимодействия и взаимовлияния // Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы: материалы XXX Междунар. науч.-практич. конф., Иваново, 26—27 сент. 2019 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 4—7.
- Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Психология русской интеллигенции // Вехи: Интеллигенция в России: сб. ст. 1909—1910 / сост. Н. Казакова. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 382—405.
- Пелевина Е. А.* Основные концепции интеллигенции в зарубежной историографии // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., Иваново, 20—21 сент. 1995 г. в 2 т. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1995. Т. 2. С. 450—452.
- Петрова С. Г.* Об особенном пути формирования китайской интеллигенции // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теор. конф., приуроченной к 20-летию журнала «Интеллигенция и мир», Иваново, 23—24 сент. 2021 г. / отв. ред. В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 109—114.
- Порозов В. А.* Развитие понятия «интеллектуал» в отечественном интеллигентоведении // Интеллигенция и мир. 2024. № 1. С. 124—155.
- Порозов В. А., Пересторонина И. Л.* Интеллигенция и интеллектуалы в одном из французских словарей // Интеллигенция современного мира в ее многообразии: материалы XXIV Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 26—28 сент. 2013 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 67—69.
- Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции: кол. монограф. / под ред. В. С. Меметова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 431 с.
- Садина С. С.* Основные принципы отношений «советская интеллигенция — народ»: ретроспективный взгляд // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции: кол. монограф. / под ред. В. С. Меметова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. С. 219—259.
- Смирнов Д. А.* Европейский интеллектуал в кризисные моменты истории начала XX в.: его общественная роль // Интеллигенция: вопросы теории и методологии / под ред. В. С. Меметова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. С. 322—347.

Смирнов Д. А. «Потерянное поколение» и российский «креативный класс»: исторические параллели // Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности: кол. монограф. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. С. 173—189.

Смирнов Д. А. Трансформации современного мира в критике западноевропейских интеллектуалов // Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные ... и похожие. Проблемы самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века: кол. монограф. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. С. 102—147.

Соловьев А. А. Методологический дискурс в интеллектуальном поле интеллигенции и Православной Церкви // Интеллигенция: вопросы теории и методологии: кол. монограф. / под ред. В. С. Меметова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. С. 93—111.

Усманов С. М. Этос интеллектуала: трудные вопросы, неясные ответы // Интеллигенция и мир. 2024. № 3. С. 123—155.

Шарль К. Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века / пер. с фр. Г. Галкина и др. М.: Новое изд-во, 2005. 325 с.

Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / общ. ред. и посл. ак. А. М. Румянцева, пер. с польского М. М. Гуренко. М.: Прогресс, 1969. 237 с.

References

- Bairau, D. (1994), ‘Intelligentsia and power: Soviet experience’, *Otechestvennaia istoriia* [Russian History], no. 2: 122—135.
- Bakanova, M. V. (2021), ‘Intellectual of British India — Sir Syed Ahmad Khan’, in Chernoperov, V. L. (ed.), *Intelligentsia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitiye, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, priurochennoi k 20-letiiu zhurnala “Intelligentsia i mir”* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: proceedings of the XXXI International scientific-theoretical conference dedicated to the 20th anniversary of the journal “Intelligentsia and the World”], Ivanovo, Russia, 23—24 September 2021, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 137—141.
- Belov, A. A. (2008), ‘The place and role of the intelligentsia in the formation and development of the information society’, in Memetov, V. S. (ed.), *Problemy teorii i metodologii issledovaniia intelligentsii* [Problems of theory and methodology for studying the intelligentsia], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 278—346.

- Gasparov, M. L. (1999), ‘Intellectuals, intelligentsia, intelligence’, in *Rossiiskaya intelligentsiya: istoriya i sud’ba* [Russian intelligentsia: history and fate], Nauka, Moscow, Russia: 5—14.
- Gredeskul, N. A. (1991), ‘The turning point of the Russian intelligentsia and its real meaning’, in Kazakova, N. (comps.), *Vekhi; Intelligentsiya v Rossii: sbornik statei 1909—1910* [Milestones; Intelligentsia in Russia: collection of articles 1909—1910], Molodaia gvardiia, Moscow, Russia: 227—268.
- Kondrasheva, M. I. (2015), ‘The intelligentsia is an intellectual: reflections of an intellectual scholar’, in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsiya/intellektualy v krizisnye i perelomnye periody obshchestvennogo razvitiia: materialy XXVI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, priurochennoi k 70-letiu zaversheniya Vtoroi mirovoi i Velikoi Otechestvennoi voin* [Intelligentsia/intellectuals in crisis and turning points of social development: proceedings of the XXVI International Scientific and Theoretical Conference dedicated to the 70th anniversary of the end of the Second World War and the Great Patriotic War], Ivanovo, Russia, 24—26 September 2015, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 20—21.
- Kozlova, N. N. (1999), *Sotsial’no-istoricheskaiia antropologiiia: uchebnik* [Socio-historical anthropology: textbook], Kliuch, Moscow, Russia.
- Kvakin, A. V. (1999), ‘Myths and realities of the history of the Russian intelligentsia’, in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligent i intelligentovedenie na rubezhe XXI veka: Itogi proidennogo puti i perspektivy: tezisy dokladov X Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Member of intelligentsia and intelligentsia studies at the turn of the 21st century: Results of the path traveled and prospects: abstracts of the X International Scientific-Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 22—24 September 1999, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 34—38.
- Kvakin, A. V. (2001a), ‘The establishment of Soviet power in Russia and the political positions of the intelligentsia’, *Intelligentsiya i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 34—49.
- Kvakin, A. V. (2001b), ‘Intellectual elite — intellectuals / intelligentsia: once again about the correlation of concepts’, *Intelligentsiya i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2/3: 166—169.
- Ledyayev, V. G. (2001), ‘The concept of intelligentsia: problems of conceptualization’, *Intelligentsiya i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 12—18.
- Memetov, V. S. (2001), ‘A word to the reader’, *Intelligentsiya i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 3—4.

- Memetov, V. S. (2004), ‘On the paths of further cooperation and mutual understanding’, in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsia i tserkov’: proshloe, nastoiaschchee, budushchchee: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [The intelligentsia and the church: past, present, future: proceedings of the XV International Scientific and Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 23—25 September 2004, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 3—6.
- Memetov, V. S. (2006), ‘On some regularities of the political culture of the intelligentsia’, in Memetov, V. S. (ed.), *Politicheskaiia kul’tura intelligentsii i ee mesto i rol’ v zhizni obshchestva: materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Political culture of the intelligentsia and its place and role in the life of society: proceedings of the XVII International Scientific and Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 21—23 September 2006, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 3—6.
- Memetov, V. S. (ed.) (2008), *Problemy teorii i metodologii issledovaniia intelligentsii: kollektivnaia monografiiia* [Problems of theory and methodology for studying the intelligentsia: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Memetov, V. S. (ed.) (2010), *Intelligentsia: voprosy teorii i metodologii: kollektivnaia monografiiia* [Intelligentsia: issues of theory and methodology: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Memetov, V. S. (2011), ‘Contemporary intelligentsia studies: achievements and remaining issues’, in Memetov, V. S. (ed.), *Diskussionnye voprosy sovremennoego rossiiskogo intelligentovedeniia: materialy XXII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Controversial issues of modern Russian intelligentsia studies: proceedings of the XXII International Scientific and Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 22—24 September 2011, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 3—5.
- Memetov, V. S. (2012), ‘Responsibility of the Russian intelligentsia in periods of crisis’, in Memetov, V. S. (ed.), *Otvetstvennost’ intelligentsii v kontekste vremeni: materialy XXIII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Responsibility of the intelligentsia in the context of time: proceedings of the XXIII International scientific-theoretical conference], Ivanovo, Russia, 27—29 September 2012, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 3—6.
- Memetov, V. S. (2013), ‘On the path to the development of modern intellectual studies’, in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsia sovremenennogo mira v ee mnogoobrazii: materialy XXIV Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [The intelligentsia of the modern world in its diversity: proceedings of the XXIV International Scientific and Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 26—28 September 2013, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 4—7.

- Memetov, V. S. (2015), ‘Intelligentsia / intellectuals and the changing socio-political reality: statement of the problem’, in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsiia / intellektualy v krizisnye i pereklyucheniya periody obshchestvennogo razvitiya: materialy XXVI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, priurochennoi k 70-letiiu zaversheniya Vtoroi mirovoi i Velikoi Otechestvennoi voin* [Intelligentsia/intellectuals in crisis and turning points of social development: proceedings of the XXVI International Scientific and Theoretical Conference dedicated to the 70th anniversary of the end of the Second World War and the Great Patriotic War], Ivanovo, Russia, 24—26 September 2015, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 3—5.
- Memetov, V. S. (2016), ‘On conceptual and intellectual-formative connections in modern intellectual studies’, in Memetov, V. S. (ed.), *Spetsifika sotsial'no-politicheskoi aktivnosti intelligentsii / intellektualov v sovremennom mire: materialy XXVII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Specifics of socio-political activity of the intelligentsia / intellectuals in the modern world: proceedings of the XXVII International Scientific and Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 22—24 September 2016, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 3—5.
- Memetov, V. S. (2019), ‘Russian intelligentsia and the ruling elite: problems of interaction and mutual influence’, in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsiia i intelligentovedenie v nachale XXI veka: rezul'taty i perspektivy: materialy 30-i Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intelligentsia studies at the beginning of the XXI century: results and prospects: proceedings of the 30th International Scientific and Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 26—27 September 2019, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 4—7.
- Memetov, V. S. and Chernoperov, V. L. (eds) (2014), *Intelligentsiia i intellektualy v izmeniaishchesia sotsial'no-politicheskoi deistvitel'nosti: kollektivnaia monografia* [Intelligentsia and intellectuals in a changing socio-political reality: a collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Memetov, V. S. and Chernoperov, V. L. (eds) (2016), *Intelligentsiia i intellektualy — takie raznye ... i pokhozhie. Problemy samoopredeleniia i deiatel'nosti v XX — nachale XXI veka: kollektivnaia monografia* [The intelligentsia and intellectuals are so different... and similar. Problems of self-determination and activity in the XX — early XXI centuries: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Memetov, V. S., Kazanin, I. E., Malaya, V. G. and etc. (2001), ‘Intelligentsia studies: problems of establishing a new university course: pros and cons’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 53—60.

- Milyukov, P. N. (1991), ‘Intelligentsia and historical tradition’, in Kazakova, N. (comps.), *Vekhi; Intelligentsia v Rossii: sbornik statei 1909—1910* [Milestones; Intelligentsia in Russia: collection of articles 1909—1910], Molodaia gvardiia, Moscow, Russia: 294—381.
- Ovsyaniko-Kulikovsky, D. N. (1991), ‘Psychology of the Russian intelligentsia’, in Kazakova, N. (comps.), *Vekhi; Intelligentsia v Rossii: sbornik statei 1909—1910* [Milestones; Intelligentsia in Russia: collection of articles 1909—1910], Molodaia gvardiia, Moscow, Russia: 382—405.
- Pelevina, E. A. (1995), ‘Basic concepts of the intelligentsia in foreign historiography’, in Memetov, V. S. (ed.), *Rossiiskaia intelligentsia v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii: tezisy dokladov mezhgosudarstvennoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Russian intelligentsia in domestic and foreign historiography: abstracts of reports of the interstate scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 20—21 September 1995, vol. 2, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 450—452.
- Petrova, S. G. (2021), ‘On the special path of formation of the Chinese intelligentsia’, in Chernoperov, V. L. (ed.), *Intelligentsia i intellektualy: geneza, formirovanie, razvitiye, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, priurochennoi k 20-letiiu zhurnala “Intelligentsia i mir”* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: proceedings of the XXXI International Scientific and Theoretical Conference dedicated to the 20th anniversary of the journal “Intellectuals and the World”], Ivanovo, Russia, 23—24 September 2021, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 109—114.
- Porozov, V. A. (2024), ‘Development of the concept of “intellectual” in domestic intelligentsia studies’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 1: 124—155.
- Porozov, V. A. and Perestoronina, I. L. (2013), ‘Intelligentsia and intellectuals in one of the French dictionaries’, in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsia sovremennoego mira v ee mnogoobrazii: materialy XXIV Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [The intelligentsia of the modern world in its diversity: proceedings of the XXIV International Scientific and Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 26—28 September 2013, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 67—69.
- Sadina, S. S. (2008), ‘Basic principles of the relationship “Soviet intelligentsia — people”: a retrospective view’, in Memetov, V. S. (ed.), *Problemy teorii i metodologii issledovaniia intelligentsii: kollektivnaia monografiia* [Problems of theory and methodology for studying the intelligentsia: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 219—259.

- Sharl, K. (2005), *Intellektualy vo Frantsii: Vtoraia polovina XIX veka* [Intellectuals in France: Second half of the 19th century], Translated by G. Galkin & others, Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Shchepansky, Ya. (1969), *Elementarnye poniatia sotsiologii* [Elementary concepts of sociology], in Rumyantseva, A. M. (ed.), transl. from Polish by M. M. Gurenko, Progress, Moscow, Russia.
- Smirnov, D. A. (2010), ‘European intellectual in crisis moments of history of the early twentieth century: his social role’, in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsia: voprosy teorii i metodologii* [Intelligentsia: issues of theory and methodology], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 322—347.
- Smirnov, D. A. (2014), “Lost Generation” and the Russian “creative class”: historical parallels’, in Memetov, V. S. and Chernoperov, V. L. (eds), *Intelligentsia i intellektualy v izmeniaushchesia sotsial'no-politicheskoi deistvitel'nosti: kollektivnaia monografiia* [Intelligentsia and intellectuals in a changing socio-political reality: a collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 173—189.
- Smirnov, D. A. (2016), ‘Transformations of the modern world in the criticism of Western European intellectuals’, in Memetov, V. S. and Chernoperov, V. L. (eds), *Intelligentsia i intellektualy — takie raznye ... i pokhozhie. Problemy samoopredeleniya i deiatel'nosti v XX — nachale XXI veka: kollektivnaia monografiia* [The intelligentsia and intellectuals are so different... and similar. Problems of self-determination and activity in the XX — early XXI centuries: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 102—147.
- Soloviev, A. A. (2010), ‘Methodological discourse in the intellectual field of the intelligentsia and the Orthodox Church’, in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsia: voprosy teorii i metodologii: kollektivnaia monografiia* [Intelligentsia: issues of theory and methodology: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 93—111.
- Usmanov, S. M. (2024), ‘The intellectual ethos: difficult questions, unclear answers’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 123—155.
- Vozilov, V. V. (2013), ‘Methodological aspects of the content of the concept of “members of intelligentsia / intellectuals”’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 9—16.
- Vozilov, V. V. (2012), ‘On the question of the content of the concept of “members of intelligentsia / intellectuals”’, in Memetov, V. S. (ed.), *Otvetstvennost' intelligentsii v kontekste vremeni: materialy XXIII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Responsibility of the intelligentsia in the context of time: proceedings of the XXIII International scientific-theoretical conference], Ivanovo, Russia, 27—29 September 2012, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 19—22.

Zolotarev, O. V. (2012), ‘Post-Soviet intelligentsia: does dawn come after night?’, in Memetov, V. S. (ed.), *Otvetstvennost' intelligentsii v kontekste vremeni: materialy XXIII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Responsibility of the intelligentsia in the context of time: proceedings of the XXIII International scientific-theoretical conference], Ivanovo, Russia, 27—29 September 2012, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 6—9.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

B. A. Порозов — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия.

V. A. Porozov — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia.